

Номады азиатского материка

ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОНГОЛИИ В КОНТЕКСТЕ ДИХОТОМИИ «ВОСТОК — ЗАПАД»

Ю. В. Попков, Е. А. Тюгашев

Аннотация: На основе обобщения результатов массового и экспертного опросов населения Монголии, а также экспертного опроса российских и монгольских исследователей-обществоведов обосновывается предположение о евразийской цивилизационной идентичности Монголии.

Ключевые слова: Северная Евразия, Монголия, Россия, цивилизационная идентичность, «Восток — Запад».

Работа выполнена по проекту Международного конкурса РГНФ — МинОКН Монголии «Монгольский мир: между Востоком и Западом» (№ 10-03-00865а/G).

В контексте бинарной культурологической оппозиции «Восток — Запад» Монголия представляет интерес как типично североевразийская страна. Своими очертаниями она напоминает и Россию, и Северную Евразию в целом. Столица Монголии Улаанбаатар является самой холодной столицей мира (в среднегодовом исчислении). Разнообразие ландшафтного мира в миниатюре воспроизводит соответствующие зоны Северной Евразии. С учетом многочисленных туристов из разных стран Запада и Востока, которые активно посещают Монголию, и трудовых мигрантов из соседних государств можно говорить и об аналогии ее современной этносферы этносфере Евразии. Поэтому жизненный мир Монголии, пусть

Попков Юрий Владимирович - доктор философских наук, профессор, заместитель директора, заведующий сектором этносоциальных исследований Института философии и права Сибирского отделения РАН, член редсовета журнала.

Тюгашев Евгений Александрович - кандидат философских наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Новосибирского государственного университета.

грубо и схематично, может оцениваться как фрактально репрезентирующий жизненный мир Северной Евразии в целом.

Многие исследователи Монголии характеризуют ее как страну контрастов, характерных для обширных территорий Северной Евразии: климатических, географических, исторических. Действительно, при численности населения в 2,6 млн. человек она занимает огромную территорию, на которой встречаются и вечная мерзлота, и пустыня. Существующий здесь горнопромышленный комплекс не вытеснил кочевое пастбищное животноводство, которое оснащено в настоящее время автомобильным транспортом, спутниковыми антеннами, солнечными батареями.

Будучи страной контрастов, Монголия является и страной геоклиматических, геоэкономических и геополитических противоречий. Одно из них — противоречие между Западом и Востоком.

Применительно к Монголии геокультурная оппозиция «Восток — Запад» имеет два уровня проявления — региональный и глобальный. На региональном уровне можно констатировать наличие противоречия между восточными и западными регионами страны. Подобные противоречия выделяются в рамках как отдельных групп стран частей света (например: Западная Европа и Восточная Европа), так и отдельных государств (например: Западная Украина — Восточная Украина). Преимущественно широтное расположение территории Монголии определяет формирование определенных контрастов между ее восточными и западными регионами.

Глобальный уровень противоречий естественно возникает в силу широтно-зональной этнокультурной непрерывности. Западные регионы Монголии, как правило, имеют выход к странам глобального Запада, а восточные регионы — к странам глобального Востока.

Таким образом, региональный и глобальный уровни проявления противоречия по оси «Восток — Запад» взаимосвязаны. Но важно подчеркнуть, что в силу различных социокультурных инверсий эта взаимосвязь может проявляться в превращенной форме. Например, возможно совпадение полярностей на окраинах материка (определенное сходство культур Великобритании и Японии). В силу социокультурной рефлексии противоречия элементы западной культуры могли укорениться на Дальнем Востоке (например, Гонконг), а элементы восточной культуры — на Дальнем Западе (например, в Калифорнии, в освоении которой важное

значение имело использование трудовых ресурсов Китая).

Указанные проявления многоуровневой геокультурной рефлексии Востока и Запада необходимо учитывать при анализе характера этой бинарной оппозиции в каждой отдельной стране. В таком анализе, прежде всего, следует исходить из объективного характера этой оппозиции в рамках геокультурного позиционирования страны. Какими бы особенностями не отличались этноспецифические мифологемы запада и востока, ойкумена расселения народов будет дифференцирована на западный и восточный регионы, характеризующиеся также в их определенном тождестве с пограничными странами, расположенными на востоке и западе.

На разных этапах развития монгольского мира культурная оппозиция «Восток — Запад», несомненно, была значимой для его социокультурной самоорганизации. Так, до настоящего времени Западная и Восточная Монголия могут рассматриваться не просто как географические, но и как социокультурные регионы, противоречие между которыми является одной из движущих сил ее развития.

Существование этого противоречия представляется очевидным в этноисторическом и экономико-демографическом аспектах. Вместе с тем оно далеко не всегда осознается как социокультурная реальность современности, детерминирующая ценностные ориентации населения.

Для подтверждения данного тезиса обратимся к результатам конкретно-социологического исследования, проведенного нами летом 2009 г. в Центральной и Западной Монголии (подробно об этом см: Евразийский мир, 2010: 268-291; Попков, Тюгашев, 2010а: 339-350; Попков, Тюгашев, 2010б: 127-130). В массовом социологическом опросе населения Монголии (выборка составила 300 чел.), а также экспертном опросе (60 чел.) учитывалась этническая принадлежность респондентов. В контексте поставленной задачи они были объединены в три группы: 1) халхи, 2) представители ойратов (западные монголы), 3) казахи. Респонденты-халхи, как правило, живут в Восточной и Центральной Монголии, а представители ойратов и казахов, как правило, являются жителями Западной Монголии.

В результате анализа данных массового опроса населения Монголии был сделан вывод о существовании определенных различий в жизненном мире жителей Западной и Восточной (в нашем случае — Центральной) Монголии. Эти различия во многом связаны с разной этнической

принадлежностью населения. По некоторым ценностным ориентациям казахи заметно дистанцированы от монголов. Вместе с тем, ойраты (западные монголы) по ряду ценностных ориентаций ближе к казахам, чем к халха-монголам. В контексте дихотомии «Восток — Запад» эти группы респондентов могут быть представлены рядом «халхи — ойраты — казахи», где халхи представляют восточный полюс монгольского мира, а казахи — его западный полюс.

В ходе исследования было выяснено, что одним из маркеров культурных различий между Западной и Восточной Монголией является отношение к личности Чингисхана. Так, по результатам данного опроса Чингисхан рассматривается как возможный пример подражания 54,1% халха-монголами. Среди респондентов из числа западных монголов (ойратов) доля лиц, рассматривающих Чингисхана как пример для подражания, оказалась значительно меньше — 38,2%.; среди казахов она составила — 34,1%.

Представляется важным, что мнения экспертов по этим вопросам близки оценкам населения в рамках массового опроса. В оценках экспертов-халхов Чингисхан, а также его окружение сохраняют лидирующие позиции в качестве исторических личностей, достойных для подражания в жизни (по 36%). Зато среди экспертов-ойратов преобладают те, кто к ним относит не самого Чингисхана, а его ближайшее окружение и соратников (60%). Таким образом, результаты экспертного опроса могут рассматриваться как репрезентирующие состояние массового сознания.

Анализ оценок населения показывают, что ось «Восток — Запад» значима и в рамках глобальных представлений. Например, у разных этнических групп Монголии круги субъективно близких народов несколько различаются (см. табл. 1). Для халхов в этот круг входят прежде всего русские, буряты, казахи. У ойратов к ним относятся еще и алтайцы. У казахов — это русские, монголы, китайцы. Таким образом, в жизненный мир представителей разных этносов входит ограниченный круг народов, более и или менее понятных и близких. Эти 3–4 народа можно назвать «братскими» или «соседскими». Остальные народы оказываются менее «знакомыми» и «близкими».

Таблица 1. Степень близости к монголам разных народов
в оценке респондентов, в %

Народы	Халхи	Ойраты	Казахи
Русские	63,9	72,3	48,8
Буряты	47,0	48,7	26,8
Казахи	39,3	60,6	***
Алтайцы	34,4	50,0	26,9
Корейцы	32,8	30,2	31,7
Китайцы	32,2	34,2	43,9
Японцы	30,6	28,9	17,1
Американцы	30,6	32,9	26,8
Тувинцы	15,8	31,4	26,8
Немцы	21,9	18,5	14,6
Уйгуры	6,6	15,8	22,0

Но факторы этнического родства и географической близости не всегда являются определяющим. Так, тувинцы оцениваются монгольскими респондентами как менее близкие и понятные, чем американцы. Для казахов в равной степени близкими оказываются китайцы и русские.

Респондентам задавался открытый вопрос о том, какая страна может быть примером для подражания (см. табл. 2). Если для халхов и ойратов — это Китай и Россия (затем США), то у казахов — Китай и Казахстан (затем Россия). Наряду с признанием успехов Казахстана в современных условиях определенную роль здесь играет, по-видимому, элемент ностальгии по исторической родине.

Таблица 2. Доля респондентов, указавших на страну как на пример
для подражания (от числа ответивших), в %

Страна	Халхи	Ойраты	Казахи
Япония	19,7	9,9	12,1
США	22,7	13,7	15,1
Россия	25,6	27,5	18,2
Китай	25,8	27,6	21,2
Корея	6,1	3,9	3,0
Монголия	9,1	23,5	3,0
Казахстан	0,0	7,8	21,2
Другие страны, народы	9,1	7,8	6,1

Обращает на себя внимание, что ойраты в большей мере, чем халхи, воспринимают саму Монголию как пример для подражания. Очевидно, в рамках политики укрепления гражданской идентичности следует уделять больше внимания формированию позитивного имиджа Монголии не только за рубежом, но и у собственного населения. Безусловно, что в современной действительности Монголии имеется немало положительных моментов, которые могут выступать основанием для национальной гордости и чувства национального достоинства.

Таким образом, к референтным странам — примерам для подражания — население Монголии относит, прежде всего, Россию и Китай, а затем уже США и Японию. С учетом большей близости и понятности для монгольского населения русских и бурят, можно предположить североевразийское позиционирование Монголии по оси «Восток — Запад».

Представляет интерес мнение экспертов по вопросу о цивилизационной принадлежности Монголии. Экспертов-халхов, ассоциирующих ее с «азиатской» цивилизацией, в 1,5 раза больше, чем экспертов-ойратов (соответственно 67% и 45%). Зато среди экспертов-ойратов больше полагающих, что Монголия входит в состав евразийской цивилизации — соответственно 40 и 33%.

Последние цифры можно оценивать как высокий показатель, если учесть, что евразийская идея не является популярной в Монголии (проблема евразийства и евразийской цивилизации практически не обсуждается в средствах массовой информации и научной литературе).

В литературе вопрос о цивилизационной принадлежности Монголии является дискуссионным (Цивилизационные процессы..., 2005; Железняков, 2009, Иванов, 2010). Для того, чтобы прояснить некоторые аспекты этой проблемы нами был проведен специальный опрос среди экспертов, в качестве которых выступили участники семинара «Перспективы международного сотрудничества Монголии и Бурятии (Россия) в свете обеспечения безопасности в ШОС» (г. Улан-Удэ, август 2010 г.) и международной конференции «Социально-политические аспекты современного мироустройства (идентичности в условиях глобализации)» (г. Улан-Батор, сентябрь 2010 г.). Всего опрошено 60 чел., в том числе 40 монголов, 10 русских, 7 бурят. Профессиональная деятельность 50 экспертов непосредственно связана с социогуманитарными исследованиями тех или иных проблем развития Монголии.

Один из вопросов анкеты — о влиянии европейской культуры на монголов в историческом прошлом — формулировался с учетом историко-географического горизонта монгольского мира. Известно, что в эпоху Чингис-хана и Чингизидов он простирался от Адриатического до Желтого моря, связывая Евразию в единое социокультурное пространство. Последние конфликты монгольского мира с Западом завершились только в середине XIX века с падением в Индии Великих Моголов.

Итак, в отношении европейского влияния на монгольскую культуру 45,9% экспертов согласились с точкой зрения, что это влияние имелось, хотя и было незначительным. С мнением о значительности европейского влияния на монголов согласились 26,2% экспертов (при этом среди монгольских респондентов их доля выше — 31,7%). Только 16,4% экспертов полагают, что европейская культура практически не повлияла на монголов (остальные 11,5% затруднились ответить).

Данное соотношение мнений в исследовательском сообществе показательно тем, что в научной литературе, насколько нам известно, не существует систематизированных сведений о европейском влиянии на монголов в средневековье. В свое время как революционные воспринимались положения евразийцев о монгольском «следе» в российской культуре. Как видим, большинство опрошенных исследователей убеждены в том, что и в монгольской культуре остался европейский «след».

Оценка экспертов представляется значимой в двух аспектах.

Во-первых, открывается перспектива систематического изучения взаимовлияния монгольской и европейской, а также русской культур в средневековье. Можно предположить, что исследования в этом направлении встретят понимание и поддержку монголоведов.

Во-вторых, признание европейского влияния на монгольскую культуру в средневековье дает основание ставить вопрос об евразийской идентичности монгольского общества как многовековой исторической реальности.

На прямой вопрос «Принадлежит ли, по Вашему мнению, Монголия к евразийской цивилизации?» 59% экспертов ответили утвердительно (68% — российские, 54 % — монгольские), а 23,0% — отрицательно (затруднились ответить — 18,0%).

Таким образом, постановка вопроса об евразийской идентичности Монголии у основной части экспертов не вызывает негативной оценки.

Показательно, что позиционируя Монголию на оси «Россия — Китай»

всего 8,2% экспертов указали на большую близость Монголии к Китаю, 39,3% — на большую близость Монголии к России, а точку зрения об уникальности Монголии, несравнимости ее ни с Россией, ни с Китаем поддержали 45,9% экспертов (остальные 6,5% затруднились ответить). При этом среди монгольских экспертов гораздо больше, чем среди российских, полагающих, что Монголия ближе к России (соответственно 46,3 и 26,3%) и значительно меньше рассматривающих Монголию как непохожую ни на Россию, ни на Китай (соответственно 39,0 и 57,9%).

Оценивая приведенное соотношение мнений, важно отметить дистанцированность — в оценках научного сообщества — Монголии от Китая. Многовековое влияние цивилизации Китая на Монголию не стало, по мнению большинства экспертов, фактором сближения культур этих стран, тогда как близость культур Монголии и России констатировано значительной долей экспертов. Не предопределяя окончательных выводов о цивилизационной идентичности Монголии, однозначно можно заключить, что, по мнению научного сообщества, Монголия — это не цивилизационный «Восток».

Выводу о дистанцированности монголов от восточной цивилизации соответствуют наблюдения экспертов о характере адаптации представителей монгольских диаспор к местным условиям жизни в разных странах мира (см. табл. 3).

Таблица 3. Характер адаптации монголов к местным условиям жизни в разных странах мира в оценках экспертов, в %

Характер адаптации	В странах Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии	В России (и государствах бывшего СССР)	В странах Европы и США
Хорошо адаптируются	49,2	75,4	65,6
Плохо адаптируются	21,3	6,6	6,5
Затрудняюсь ответить	29,5	18,0	27,9

Как следует из этих данных, страны христианского мира более комфортны для мигрантов из Монголии, чем страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. И здесь монгольские эксперты гораздо более критичны, чем российские, в отношении стран Востока.

В целом для современной Монголии эксперты отмечают безусловную экономическую значимость Китая, сильное политическое влияние США и культурную притягательность Кореи (см. табл. 4). Характер современного влияния России по всем этим направлениям оценивается на уровне средних показателей.

Таблица 4. Оценка экспертами степени значимого экономического, политического и культурного влияния на Монголию со стороны разных стран, в %

Тип влияния	Китай	США	Россия	Корея	Япония
Экономическое влияние	100,0	36,8	50,0	43,9	54,5
Политическое влияние	24,6	80,7	46,6	3,5	10,9
Культурное влияние	27,9	54,4	44,8	70,2	32,7
Влияния почти нет	0,0	1,8	13,8	7,0	27,3

Любопытен фиксируемый экспертами факт децентрации векторов различных типов влияния, источниками которых выступают разные государства: государства-субъекты экономического, политического и культурного влияния не совпадают. По-видимому, такого рода децентрация позволяет Монголии занимать самостоятельное положение в мировом сообществе.

И, в заключение, возвратимся к теме значимости оппозиции «Восток — Запад» в межрегиональных отношениях в Монголии. На вопрос «Есть ли значимые культурные различия между Западной и Восточной (Центральной) Монголией?» более половины экспертов (52,5%) ответили утвердительно. На отсутствие таких различий указали 27,9% экспертов. Значительная доля экспертов (19,7%) затруднилась с ответом.

Такое распределение оценок показывает, на наш взгляд, что роль межрегиональных противоречий в развитии монгольского общества изучена недостаточно. Сама постановка вопроса о западной и восточной составляющей в монгольском социуме выглядит неожиданной и вызывает затруднения с ответом у значительного числа даже монголоведов. Думается, это позволяет говорить о перспективности соответствующего направления исследования в монголоведении.

Подводя итоги проведенного анализа, можно сделать вывод, что в

поле цивилизационных взаимодействий, рассматриваемых по глобальной оси «Восток — Запад», Монголия жестко дистанцирована от Востока (прежде всего, в лице Китая). Это позволяет говорить не о собственно азиатской, что можно было бы считать естественной, о евразийской (точнее — североевразийской) идентичности Монголии, сформировавшейся, как и в России, еще в средневековье. По-видимому, евразийская идентичность Монголии есть продукт как интерференции внешних цивилизационных влияний, так и результат собственного развития, обусловленного ландшафтной организацией ойкумены монгольского социума.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Евразийский мир: ценности, константы, самоорганизация (2010) / Под ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск.

Железняков, А. С. (2009) Монгольский узел: недостающее звено цивилизационной теории // Власть. № 5. С. 33-36.

Иванов, А. В. (2010) Евразийская цивилизационная принадлежность Монголии // Социально-политические аспекты современного мироустройства (идентичности в условиях глобализации): Материалы докладов конференции, проведенной в г. Улаанбаатар 7-8 сентября 2010 г. Улаанбаатар.

Попков, Ю. В., Тюгашев, Е. А. (2010а) Жизненный мир Монголии в контексте дихотомии «Восток — Запад» // Евразийство: теоретический потенциал и практические приложения : Материалы Пятой Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) (г. Барнаул, 28-29 июня 2010 г.) / Под ред. В. Я. Баркалова, А. В. Иванова. Барнаул.

Попков, Ю. В., Тюгашев, Е. А. (2010б) Монгольский мир в контексте геокультурной рефлексии Востока и Запада // Социально-политические аспекты современного мироустройства (идентичности в условиях глобализации) : Материалы докладов конференции, проведенной в г. Улаанбаатар 7-8 сентября 2010 г. Улаанбаатар.

Цивилизационные процессы на Дальнем Востоке: Монголия и ее окружение (2005). М.

CIVILIZATIONAL IDENTITY OF MONGOLIA IN THE CONTEXT OF EAST-WEST DICHOTOMY

Yu. V. Popov, E. A. Tyugashev

Abstract: This article proves hypothesis of Eurasian civilizational identity of Mongolia on the basis of both mass and expert surveys of Mongolian population, and expert survey of Russian and Mongolian social scientists.

Keywords: Northern Eurasia, Mongolia, Russia, Civilizational identity, the East - West.